

Игорь Азаров

Ноунэйм 90-х

Игорь Азаров

Ноунэйм 90-х

«Издательские решения»

Азаров И.

Ноунэйм 90-х / И. Азаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857665-2

Украина, Днепропетровск, начало 90-х прошлого столетия. Попытка людей, не верящих в мистику, разобраться в ситуации, отдающей явной чертовщиной. Фантастические события на фоне реалий того нелегкого, но интересного времени.

ISBN 978-5-44-857665-2

© Азаров И.
© Издательские решения

Ноунэйм 90-х

Игорь Азаров

© Игорь Азаров, 2017

ISBN 978-5-4485-7665-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этот обрывающийся дневник, представляющий собой текстовый файл без имени, находился на случайно обнаруженной дискете. Часть текста на ней оказалась нечитаемой, а то, что удалось восстановить приводится ниже.

Обычно дневники ведутся от скуки праздными и излишне романтичными людьми, но, видимо, иногда бывают исключения. Судя по всему, описываемые события относятся к началу 90-х годов двадцатого столетия.

* * *

...выжидательно посмотрел в сторону, откуда должен был появиться трамвай, но ничего похожего на обнадеживающий свет фар не увидел. Народу на остановке, обычно людной даже в такое время, было немного; скорее всего трамвайчик только недавно ушел. Выудивши из помятой пачки сигарету, я подпер спиной старую акацию, и снова попытался прокрутить в голове алгоритм куска халтурной программы, ваяя которую засиделся на работе. Кусок оказался с характером, упорно не хотел работать, и если я и дальше буду продвигаться такими же темпами, то весь мой гонорар пойдет на сигареты и кофе, потребленные в процессе его кропания.

– Дай мне сигарету – раздалось откуда-то справа.

Не оборачиваясь, я протянул во внешнюю среду пачку с последней сигаретой.

– А сколько ща время?

– Без двадцати двенадцать, Божьей помощью.

– У тебя классные часы. Подари.

Я быстро повернул глаза вправо, и тот час почти что успокоился. Вопросивший был ниже меня ростом и внешностью Шварцнегера не отличался. Запах, шедший от него свидетельствовал, что пивком он размялся основательно.

– Братан, – доверительно начал я, – ты плохо закусил. Тебе надо поспать, отдохнуть...

– Ты шо, жлоб?

– О Господи, – пробормотал я, закатывая глаза; (парень почему-то ассоциировался у меня с одним зловредным прерыванием, которое вместо обращения к диску за каким-то хреном адресовалось к динамику) – вон видишь, какая клевая лавочка? Пойди посиди на ней,

подыши воздухом. Запахи, май... Глянь, Луна какая. Напиши про нее песню, у тебя получится, по глазам вижу, что ты в душе поэт.

– Подари часы, мужик – раздалось с другой стороны.

Так. Еще три парня, правда тоже не Рембы, но покрепче первого. Сердце неприятно технику и провалилось куда-то глубоко-глубоко; но, к счастью не до самых пяток, во всяком случае мне удалось внешне сохранять спокойствие.

– Ребята, – протянул я – давайте не портить друг другу вечер.

Правая моя рука скользнула по бедру, но еще не сунувши ее в карман, я вспомнил, что баллончик остался в других брюках. Хреново.

В мои планы не входило развлекать немногочисленных зрителей эффектными ударами с труднопроизносимыми восточно-азиатскими названиями; в первую очередь потому, что все мои попытки изобразить что-нибудь в этом роде, всегда напоминали, более всего, процесс отмахивания от мух. Прийдя к выводу, что в данной ситуации задать стрекача будет не позорным бегством, а планомерным отступлением, я решил пробить брешь в кольце своих оппонентов. И реализовать это самое планомерное отступление, сколько духу хватит.

Сначала вышло довольно таки красиво. Один из парней стоял неосмотрительно широко расставив ноги. Надеюсь, он не перестанет представлять интерес для своей подружки, во всяком случае, бил я не носком, а подъемом стопы, и хочется верить, не перестарался.

Хлопец согнулся, изображая ладонями фиговые листики, и его физиономия (надо сказать не обремененная интеллектом), оказалась выставленной, что на витрине. Вторым ударом мне удалось сбить его с ног, но на этом мои ратные подвиги закончились. Один удар, по ребрам, напрочь лишил меня дыхания, а второй, по уху, свалил на землю.

Надо отдать должное бившему, дело свое он знал, умей я писать программный код столь же круто, как он давать по уху, я был бы уже важной персоной где-нибудь в «Борлэнд-Интернейшнл».

Подняться на ноги не удалось, чья-то кроссовка вернула меня в горизонтальное положение. Смех смехом, но, кажется, больница мне гарантирована; рот моментально наполнился соленым, боль равномерно разлилась по всему телу, и отдельных ударов я уже не различал. Почувствовал дурноту. И отлично, потеряю сознание, тогда все пофиг, а эти недоноски не дождутся, чтобы я стал взывать к их милости.

Однако чудеса бывают. Редко, но бывают: мне пришли на помощь. И это в наше-то время, когда народец зашуган до скотского состояния, и спешит забиться в бетонные норки с наступлением темноты. И кто пришел... И как пришел...

Работала девчонка красиво. Именно работала, потому, что трудно назвать дракой эти техничные, отточенные движения. Разумеется это не было насквозь бутафорской киноклоунадой в стиле гонконговского боевичка, в реальности все выглядит куда прозаичней. Опять же ж фактор неожиданности здорово помог моей неожиданной спасительнице. Но как бы там ни было она одержала быструю и убедительную победу. Незадачливых грабителей как ветром сдуло. Я

даже не заметил где они делись; отчасти потому, что ее ножки, оголившиеся, в пылу борьбы, привлекли львиную долю моего внимания, даже несмотря на состояние, в котором я находился.

Вся эта кутерьма заняла, пожалуй, времени меньше, чем ушло на ее описание. В голове, надо сказать, основательно крутилась. Поднявшись на ноги, я почувствовал, что земля норovit стать на дыбы, и вынужден был обнять акацию, что Есенин березку. Говорить «спасибо» было бы, наверное вежливо, но ужасно глупо. Убедившись, что ворочаю челюстью, и могу издавать членораздельные звуки, я сказал:

– Красиво. Очень красиво. Сетокан?

– Чань-сюань. А ты вообще-то молодец.

Последнее, разумеется, было данью вежливости, попыткой реанимировать соскребенное с асфальта мужское самолюбие. А может относилось к моему внешне спокойному поведению во время наезда. Хе-хе. Знала бы ты, как я перетрусил.

Ее звали Марина. Терпеть не могу этого имени. Хуже него разве что только Светлана.

Вообще-то я отделался на диво легко. Головокружение проходило (хотя легкое сотрясение наверняка есть), кости, кажется, целы, разве что физиономия основательно разукрашена, да ухо раза в полтора больше, чем задумала природа. И красное, наверное, хоть фотографии при нем печатай. Кстати о свете. Фонарь какой-то дистрофический попался, хоть бы рассмотреть тебя...

Высокая. Волосы хвостиком. Фигуристая, но лишнего, пожалуй, нет. Приятный контраст талии и таза, ножки (см. выше) тоже очень съедобные, хотя, может и несколько покороче журнальных евростандартов. Видно, что девчонка сильная и тренированная, хотя, слава Богу, не из этих новомодных перекачанных монстров. Как это там у Уиндема? Стройная, но не хрупкая... так кажется... Словом очень даже.

Пока все это проносилась в моей, изрядно звенящей, голове, язык в автономном режиме молот что-то, причем, судя по всему, в тему, потому что она улыбалась и отвечала очень мило и охотно.

Потом я изрек:

– Давай я тебя провожу. Время позднее, столько всякого жулья...

Она коротко и вопросительно глянула на меня, рассмотрела выражение лица (если тогда это можно было так назвать), и тоже рассмеялась.

– Нет уж, давай лучше я тебя доведу. Как ты хоть, нормально?

Троллейбусную линию до сих пор не починили; идти было минут двадцать, ночь теплая, а трамваев, судя по всему, уже не существовало в природе.

Тараня ногой чью-то физиономию, она вырвала ремешок босоножки, что называется с мясом, поэтому разулась и шла босиком. А когда дошли до моего дома, был прекрасный

повод подняться и подремонтироваться. Сапоги тачать я, разумеется, не умею, но в данном случае – подошва да полторы застежки – сделаю, что мастер по пошивке золушкиных туфельек. У меня есть шикарный инструмент – шило называется.

Я делегировал ее на кухню варить кофе, а сам, проделав титанический труд по раскопке ящиков в поисках пресловутого шила, в два счета покончил с ремонтом. Класс. У меня явный талант. Разучусь попадать пальцами в клавиши – подамся в сапожники.

Что? Кофей готов? Чудненько, а у меня тут ликерец завалился, этикетка красивая, ща посмотрим, что оно на вкус.

Каждый раз встречаясь глазами со своим отражением в зеркале я не мог сдержать улыбки, глядя на свои боевые ранения. Представляю, как я завтра покажусь на работе. Где я работаю? Там-то и там-то.

А она биолог по образованию. И со всей компетентностью специалиста утверждает, что живой организм не может прокормиться на зарплату биолога. Чисто случайно подвернулась работа каскадера. Да, представь себе, женщины-каскадеры. Так увлечение ушу перешло в профессию. Честно говоря, медом там тоже не намазано, но можно сводить концы с концами.

На свету выяснилось, что волосы у нее темно-русые, а глаза серые. Жаль. Предпочитаю брюнеток. Но зато кожа смуглая, а личико – кайф – полное опровержение теории о несовместимости красоты и ума. Конечно, о последнем так сразу судить трудно, но кое-что сказать уже можно.

Живые решительные глазки, богатая мимика. Может несколько резковаты черты лица, но ей это идет, предавая специфический шарм; брови неширокие, но буйные, со следами безуспешной попытки разлучить их на переносице. Ушки проколоты, но сережек нет. Я думаю, при такой работе не шибко поносишь серьги...

Я чувствовал, что она тоже трепется на автопилоте, анализируя меня. Поняв это, я чуть-чуть улыбнулся, и уголки ее губ едва заметно дрогнули в ответ. Это чем-то напоминало взаимное обхивание животных, повстречавшихся где-нибудь в джунглях Амазонки. Кстати, она здорово похожа на амазонку, точнее на то, что возникает в моем воображении при этом слове.

Мой взгляд скользнул по ее вытянутым ногам, и тут уж я не смог подавить улыбки. После босой прогулки подошвы ее были совсем черненькие, и это весьма своеобразно сочеталось с розовым лаком на ноготках. Она поспешно согнула ноги, пряча ступни, потом тоже усмехнулась.

– Ванная там.

Благодарный кивок.

А когда она зашла в ванную, я добавил через закрытую дверь фразу, решившую все:

– А халат на вешалке.

* * *

Когда уже начало сереть, когда я уже лежал на спине, а она на боку, положив голову на мою – увы не богатырскую – грудь, она вдруг сказала, совершенно неожиданно резко:

– Только тебя не должно касаться, кто у меня был раньше. Понял?

Я был до такой степени далек от подобных расспросов, что прореагировал только задиранием бровей и округлением глаз (кстати, рожа болела от подобных мимических упражнений). Но Марина не видела моего лица и продолжала, как мне показалось, с нарастающим раздражением:

– А я ничего не хочу слышать о твоих бывших. Ни-ког-да.

В первое мгновение я соображал, какая реакция с моей стороны будет выглядеть наименее глупо. А в следующее мгновение мне было уже не до того. Равно как и ей. Потому, что началось ЭТО.

На стене висело зеркало, и в нем, помимо прочего, отражалась дверь в соседнюю комнату. Несмотря на серый, призрачный свет, мы оба совершенно четко увидели, что та, зазеркальная, дверь медленно открылась настежь, хотя реальная оставалась закрытой. Марина так вцепилась мне в плечо, что ногти прорезали кожу.

От остроты ее ногтей, при этом, я страдал уже повторно, но разумеется, и тогда, и сейчас, мне было не до того. Зазеркальная дверь, между тем, спокойненько себе покачивалась, как от сквозняка. Ничего не происходило ни в отражаемой, ни в настоящей комнате. Я дергал глазами от зеркала к двери и назад, как кот на старинных ходиках.

Еще через мгновение я почувствовал, как нервная дрожь стекла у меня между лопаток, кровь прихлынула к голове, а глаза округлились. В проеме зазеркальной двери мигнул неяркий свет, и появилась какая-то фигура. Марина сидела на кровати напряженным комочком, как кошка перед прыжком. Привидение шло от двери к разделявшему нас стеклу. Оно было в какой-то темной хламиде, с поднятым капюшоном, скрывающим лицо. Одной руки не было – пустой рукав свободно болтался при каждом шаге фигуры. Из второго рукава выглядывало нечто жутковатое, то ли засушенная кисть мумии, то ли неестественно крупная лапа птицы. И вот, эта самая когтистая лапа свободно и беззвучно прошла через стекло на нашу половину, пару раз попыталась схватить в воздухе что-то невидимое, а потом стала просто растворяться на глазах. Фигура сжималась, как бы сублимировала, и вот уже пустая хламида висит переброшенная через нижний край зеркала. Потом ткань как живая переползла в комнату и бесформенной грудой застыла на полу. Это продолжалось несколько секунд,

потом тряпье зашевелилось, стало надуваться, снова приобретая форму человеческой фигуры.

Не знаю, что испытывала Марина, но мои волосы поднимались на голове совершенно синхронно с этим непотребством. На этот раз из обоих рукавов появились восковые человеческие кисти. Не обращая на нас ни малейшего внимания, это страхолюдие направилась к двери, открыло ее и шагнуло в проем.

Голова его повернулась в нашу сторону, капюшон соскользнул, и мы увидели – на сколько можно было разобрать – что это не то манекен, не то восковая кукла. Черты лица рассмотреть было трудно, но кажется, в них самих по себе, не было ничего ужасного.

Фигура сделала шаг и закрыла за собой дверь. Зазеркальная дверь тоже была закрыта. Тишина.

Марина совершенно не комплексуя, а скорее всего просто забыв про халат, сделала на цыпочках несколько шагов к двери. Не найдя лучшего оружия, чем горошек е кактусом, я тоже подошел к двери и прислушался. С другой стороны было совершенно тихо.

Тут мне померещилось легкое дуновение воздуха сзади, по шее и по плечу. Я резко развернулся, Марина с коротким выкриком нанесла удар назад, но сзади никого и ничего не было. За зеркалом тоже.

Там отражалась теперь разобранная постель, и я ожидал, что в любую секунду простыни начнут подниматься, бормоча «гу-гу-гу», как в мультике про Карлсона. Подкравшись к зеркалу я заглянул в него.

Ничего особенного. Отражает, как и любое порядочное зеркало на его месте, мою изрядно перепуганную рожу с живописными следами давешних баталий.

– Бред, – сказал я, подходя к Марине и беря ее за плечи.

Ее лицо было жестким и решительным, но в глазах трепыхался совершенно детский испуг и чувство беспомощности. Я поцеловал ее, хотя не могу сказать, чтобы эротическая сторона вопроса сильно занимала меня в тот момент.

Прежде чем выбраться на разведку в другую комнату, куда направился призрак, я натянул джинсы, а она набросила халат. Почти без колебаний мы распахнули дверь. Фигуры нигде не было видно.

Хотя уже почти рассвело, мы включили свет по всей квартире и позаглядывали во все более или менее укромные места – нигде никого и ничего. И все-таки нас не покидало ощущение чьего-то присутствия.

– Знаешь что, – предложил я, – давай сварим кофе и спокойненько подумаем.

Кофе нам варить не пришлось.

Вода в большом аквариуме неожиданно повела себя совершенно непристойно. Сперва ее ровная поверхность выгнулась бугром, потом собралась в шар сантиметров сорок в диаметре, и шар этот, мерно колыхаясь, повис в воздухе над аквариумом. Потом этот стусток свихнувшейся водички начал принимать различные формы, остановившись, наконец свой выбор на каком-то антропоморфном образовании, что-то на манер корня мандрагоры. А потом у воды, судя по всему, проснулось чувство юмора, потому, что она с завидной прытью полетела прямо на нас.

Марина взвизгнула, причем на этот раз это был не боевой выкрик, а самый обыкновенный женский визг. Затем схватив с журнального столика начатую ночью бутылку ликера, она коротким движением метнула ее в налетающий полтергейст. Как и следовало ожидать, бутылка пролетела сквозь наглую каплю, и сделала все от

нее зависящее, чтобы испоганить шкаф на другой стороне комнаты. Цианистый запах «Амаретто» наполнил воздух. Капля обиделась на Марину и стала пытаться облепить ей лицо. Объемы воды было бы вполне достаточно, чтобы девушка захлебнулась. К счастью, маневренность капли была, видимо, ограниченной, и Марина уворачивалась, крутила головой, хлестала воду резкими, профессиональными ударами, естественно не причиняя ей ни малейшего вреда.

В самом начале этого жутковатого цирка, я сообразил, или точнее интуитивно почувствовал, что недурно будет включить утюг. Он нагрелся как раз вовремя, Марина уже выбилась из сил, и пускала пузыри в воду, старавшуюся закрыть ей рот и нос. Я сделал фехтовальный выпад с утюгом, раздалось шипение, и капля, испустив облачко пара, в явном замешательстве отскочила на пару метров.

Несколько раз это чудо гидродинамики снова бросалось на нас, и несколько раз я отражал атаки утюгом. Марина тяжело дышала, жадно хватая ртом воздух.

Все это выглядело настолько жутко, и в то же время комично, что я нервно хохотнул. Марина тоже. Потом еще. И вот мы уже истерически хохочем, заводя друг друга, а капля болтается в полутора метрах от нас, видимо собираясь с силами. Когда я зашелся новой волной смехоподобного повизгивания, капля приняла форму какой-то карикатурной рожи, и изобразила идиотскую улыбку. Наш смех словно кто-то лезвием отсек.

Капля снова превратилась в нечто человекоподобное, и стала выпускать тонкие руки-щупальца, как бы пытаясь обнять нас. Этим щупалец было два, а утюг один. Я отмахивался как мог, но в конце концов одно из щупалец коснулось моего локтя и быстро стекло по предплечью и кисти на утюг. Меня садонуло током, причем разжать пальцы я уже, естественно, не мог.

Марина выдернула шнур, я снова начал владеть рукой, и втащил разогретую еще подошву утюга внутрь этой водяной пакости, со шкварчанием отпрыгнувшей прочь. Однако идея уподобиться электрошокеру пришла, похоже, ей по вкусу. Капля развернулась в длинную, серебристо-прозрачную ленту, один

конец которой потянулся к нам, а другой к розетке. Мы шарахнулись в разные стороны, лента на миг задумалась, не зная за кем гнаться.

– Пробки, – крикнул я, – выбей в прихожей на счетчике пробки!

Одним прыжком Марина оказалась за дверью, и я услышал щелчок срабатывающего автомата. Свет погас. Одновременно я почувствовал под черепной коробкой очень болезненное, и в то же время облегчающее ощущение, сравнимое с вырыванием крупной занозы.

Оно продолжалось какое-то мгновение, потом прекратилось, и я увидел, что этой дьявольской ленты нет. За окном совсем светло, орут птички, в проеме двери стоит Марина и также как и я держится одной рукой за голову, между теменем и затылком.

Мы чувствовали, что ЭТО кончилось, чувствовали настолько явно, что не было необходимости говорить об этом друг другу, или пытаться проверить. Несколько минут мы целова-

лись у окна, стоя прямо в луже «Амаретто», растекшегося по паркету. Оба мы ощущали какое-то ясное, облегчающее освежение, как после грозы. Оторвавшись от ее губ я прошептал:

– А теперь давай все-таки сварим кофе.

* * *

Я позвонил на работу и проямлил что-то, на счет того, что задержусь. А Марина сегодня была свободна. Мы пили кофе, и после всех этих нервных передраг уписывали пригоревшие гренки прямо таки с волчьим голодом. Потом закурили. Вообще-то она, во время съемок особенно, старается не курить, но не каждый день приходится пережить столько всего. Ради такого случая я извлек с нычки пачку кэмела.

– Начнем с того, что это не было светопреставлением, – начал я с видом лектора, глубоко постигшего тонкости налагаемого вопроса. – Весь этот цирк требовал электропитания; кстати повременим пока включать пробки. А вообще-то эта штука мне очень интересна.

– Знаешь, мне тоже. Жутковато, но это что-то новое, необычное.

– И у меня есть кое-какие мысли...

– На редкость похвально.

– Но. Мне кровь из носу нужно подскочить на работу, Постараюсь вернуться очень скоро.

– Слушай, а ты не подумал, что мы и суток не знакомы, не боишься, что я очищу квартиру?

– Ха, а мы ведь действительно знакомы только несколько часов.

Так ты говоришь сегодня свободна? Я придумал тебе работу.

Она выгнула свою чайковидную монобровь в фигуру «нифигасебе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.